

Максим Орлов

Закат цивилизации (приквел)

Максим Орлов

Закат цивилизации (приквел)

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Закат цивилизации (приквел) / М. В. Орлов — «Автор», 2026

Мир-океан умирает. Кислотные штормы пожирают архипелаги, и корпорация «Башня» строит последнее убежище — гигантский купол посреди мёртвой воды. Пилот Михаил, вытаскивая беженцев из гибнущих островов, обнаруживает аномальный сигнал со дна океана. Нейрофизиолог Виктор находит связь между этим сигналом и «пустышками» — людьми, чьи личности стёрты. Оба ещё не знают, что глава корпорации Гай заключает сделку с древним разумом, спящим в бездне, и первый Бал Призраков — пир, на котором элита получит «бессмертие», — уже назначен. «Закат цивилизации» — мрачный сай-фай хоррор о том, как человечество построило себе тюрьму, и о людях, которые попытались её разрушить.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Синхронизация пепла	5
Глава 1. Последний рейс	8
Глава 2. Пациент zero	11
Глава 3. Архитектор	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Максим Орлов

Закат цивилизации (приквел)

Пролог. Синхронизация пепла

За триста лет до Башни

Они садились в слепом пятне.

«Посейдон» вошёл в атмосферу под углом сорок два градуса, и его теплозащитный экран — керамические соты толщиной в человеческий рост — раскалился до температуры звёздной короны. Океан внизу, безымянный и бескрайний, кипел под реактивной струёй, выбрасывая в небо столбы пара, который тут же конденсировался и проливался обратно солёным дождём. Капитан Элиас Ван, пристёгнутый к командирскому креслу так туго, что рёбра трещали при каждом толчке, смотрел на альтиметр и не верил своим глазам. Приборы утверждали, что под килем — пять километров воды и никакой суши. А посадочный протокол требовал найти хотя бы атолл.

Суши не было. Планета, которую разведчики окрестили Протеем, оказалась миром-океаном. Бесконечная, невероятно глубокая водная толща, усеянная лишь горстками вулканических архипелагов, слишком маленьких для колониального корабля класса «Титан». «Посейдон» строился для посадки на материк. Теперь он падал в бездну.

— Капитан, сигнал маяка, — произнёс навигатор, и в его голосе было что-то, чего Элиас не слышал за все годы полёта: страх. — Он... не наш. Он не с корабля.

— Что значит «не наш»?

— Частота модуляции отсутствует в каталогах. Это не навигационный маяк. Это... — навигатор запнулся, взглядываясь в спектрограф, — это что-то естественное. Или, наоборот, слишком искусственное. Сигнал идёт из-под воды. Глубина — около одиннадцати километров. Источник — точечный. Мощность — триста мегаватт.

Элиас почувствовал, как волосы на затылке становятся дыбом. Триста мегаватт — это реактор крейсера. Никакая естественная причина не могла дать такой сигнал. Но никакая человеческая технология не могла находиться на такой глубине, потому что человечество впервые оказалось в этой системе.

— Сажайте корабль на воду, — приказал он. — Аварийный протокол «Ковчег». Всем отсекам приготовиться к приводнению.

«Посейдон» коснулся океана с оглушительным грохотом. Вода взметнулась на сотни метров, и в образовавшуюся воронку хлынули волны, которые через минуту должны были сомкнуться над кораблём и утащить его на дно. Но корабль, вопреки расчётам, остался на плаву. Он покачивался на поверхности, как гигантский поплавок, и его корпус, спроектированный для вакуума, держался на воде благодаря герметичным переборкам.

Люди выбрались на палубу — сначала робко, потом всё смелее. Они стояли под чужим небом, вдыхали воздух, который оказался пригодным для дыхания, и смотрели на горизонт. Океан был спокоен. Идеально спокоен. Ни волны, ни ветра, ни птиц. Только бесконечная гладь, отражающая звёзды, которых никто из колонистов не знал по именам.

И сигнал.

Он не звучал в ушах — он пульсировал где-то в затылке, в костях, в зубах. Очень низкий, очень медленный, очень настойчивый. Частота 1,3 герца — колебание, которое человеческий мозг не должен был воспринимать, но почему-то воспринимал. Капитан Элиас записал в бортовой журнал: «Приводнение успешно. Колония основана. Обнаружен подводный источник

электромагнитной активности неизвестной природы. Рекомендую изучить». Это были последние осмысленные слова, которые он написал.

Через три месяца он ушёл в океан. Просто вошёл в воду однажды ночью и поплыл к горизонту, не отвечая на окрики. Его тело так и не нашли. К тому времени ещё двенадцать колонистов сделали то же самое. А те, кто остался, начали жаловаться на сны — странные, одинаковые, о бальном зале под водой, где танцуют фигуры в масках из рыбьей чешуи, и музыка, которая никогда не прекращается.

Двести лет спустя

Архипелаги были заселены. Люди научились жить на клочках суши, строить плавучие города, опреснять воду, выращивать пищу в гидропонных фермах. Цивилизация укоренилась, расцвела, развилась до уровня, который на Старой Земле называли бы золотым веком. Но сигнал никуда не делся. Он был как дыхание самой планеты — вездесущий, неощутимый, принятый за данность. Его изучали в университетах, о нём писали диссертации, его называли «геомагнитной аномалией Протея» и считали безвредным. Привычка — великая сила. Человек может привыкнуть ко всему, даже к голосу бездны, если слышит его с рождения.

Вулканический архипелаг, на котором родился Алексей Кравцов, был одним из последних, заселённых людьми. Маленький, удалённый, почти автономный — он жил рыболовством, ремеслом и памятью о Старой Земле, которую передавали из поколения в поколение. Компасы здесь всё ещё были в ходу — не для навигации по морю, где GPS работал безотказно, а по традиции, как символ, как связь с предками. Дед Алексея, старый рыбак, помнил ещё те времена, когда компасы выпускали на единственном заводе, построенном на руинах «Посейдона». Он говорил, что в каждом компасе заключена частица того первого корабля — кусочек стали, переплавленной из обшивки, — и поэтому они никогда не врут.

Никто не знал, что за десятилетия до рождения Алексея корпорация «Башня» уже начала свои изыскания. Никто не знал, что сигнал 1,3 герца — не геомагнитная аномалия, а акустический резонанс чего-то, что спало на дне океана. Чего-то, что начало просыпаться, когда люди построили первые ретрансляторы.

За двадцать лет до Башни

Кислотные штормы начались внезапно. Не как природное явление — природа не выбрасывает в атмосферу серную кислоту в таких количествах, — а как результат цепной реакции, запущенной десятилетиями бесконтрольной индустриализации. Заводы на плавучих платформах, нефтяные вышки, химкомбинаты, работавшие на энергии того самого сигнала — люди научились преобразовывать его в электричество, не задумываясь о том, кому принадлежит этот источник, — всё это в какой-то момент превысило критическую массу. Океан начал окисляться. Атмосфера начала гореть.

Первым умер Северный архипелаг. Его накрыло жёлтой пеленой в течение суток. Из двадцати тысяч жителей не выжил никто. Затем — Восточный. Затем — Западный. К тому времени, когда правительство объявило всеобщую эвакуацию, в живых оставалась едва ли треть населения планеты.

Корпорация «Башня» предложила выход. Проект «Ковчег-2» — гигантский искусственный остров, накрытый куполом, способный вместить миллион человек. Построенный на нейтральных водах, защищённый от кислотных штормов, обеспеченный автономной системой жизнеобеспечения. Гай, тогда ещё не директор-распорядитель, а просто амбициозный вице-президент, выступал перед Советом с пламенными речами, и его голос звучал убедительно — так убедительно, что никто не задавал вопросов о том, откуда у корпорации деньги на такое строительство. Никто не спрашивал, почему купол по форме напоминает антенну. Никто не интересовался, зачем в центре острова нужен шпиль высотой в полкилометра.

Никто, кроме молодого нейрофизиолога Виктора, который в это время работал в Госпитале психокоррекции на материке и фиксировал резкий рост числа пациентов с «синдромом пустого взгляда».

Начало

Кислотный шторм пах озоном так густо, что металл палубы под ногами начал покрываться белым налётом окисления за считанные минуты. Михаил держал штурвал мёртвой хваткой, чувствуя, как гидравлика элеронов воеет от перенапряжения...

Часть I. Коллапс

Глава 1. Последний рейс

Михаил заглушил двигатели только над самой базой, когда топливные датчики уже были непрерывным зуммером, а резервный бак показывал пустоту. Глайдер коснулся посадочной платформы тяжело, с протяжным скрежетом, и левая стойка шасси, не выдержав, подломилась, просев на треть. Машина замерла, накренившись набок, как раненый зверь, который дополз до логова и больше не сделает ни шагу. Михаил отстегнул ремни и несколько секунд сидел неподвижно, положив руки на штурвал и чувствуя, как дрожь от перенапряжения проходит сквозь ладони в пластик, в металл, в саму конструкцию глайдера, которая, казалось, дрожит вместе с ним. Тишина после отключения турбин была оглушительной — той особенной тишиной, которая наступает после многочасового рёва и воспринимается не как отсутствие звука, а как давление на барабанные перепонки.

Позади, в трюме, плакали дети. Их плач был приглушён переборками, но Михаил слышал его так же ясно, как слышал шум собственной крови в висках. Двести человек — мужчины, женщины, старики, младенцы, которых матери прижимали к груди, пытаясь защитить от тряски. Он вытащил их с Архипелага-9 за три часа до того, как кислотный фронт накрыл последние скалы. Они были последними. Больше никого не осталось. Архипелаги — те самые, на которых триста лет назад первые колонисты построили свои деревни, — ушли под воду один за другим, и теперь о них напоминали только отметки на картах, которые никто уже не обновлял.

— Капитан! — в проёме люка показался второй пилот, Павел, с лицом, измазанным колотью и запёкшейся кровью из рассечённой брови. — Вы живы?

— Жив, — ответил Михаил. Голос был чужим — сиплым, сорванным. — Что с пассажирами?

— Двое без сознания. Женщина и старик. Похоже, отравление парами кислоты. Остальные целы. Напуганы. Дети просят воды.

— Раздайте. Всё, что есть в резерве.

Павел кивнул и скрылся в трюме. Михаил остался в кабине один. Он смотрел на приборную панель, которая половину полёта показывала полную бессмыслицу, а вторую половину — просто не работала. Навигационный компьютер вышел из строя через десять минут после того, как они покинули зону над Башней. Радар погас. GPS-модуль не отвечал — спутники, похоже, тоже начали выходить из строя, сжигаемые кислотными испарениями в верхних слоях атмосферы. Единственным прибором, который продолжал работать, был старый магнитный компас, приклеенный армейским скотчем к приборной панели, — тот самый, с отцовского завода, построенного на руинах «Посейдона». Тот самый, который отец вручил Михаилу перед первым самостоятельным вылетом и сказал: «Держи. Он не подведёт. В нём — железо первого корабля. Оно помнит, откуда мы пришли». Михаил тогда посмеялся — какая, к чёрту, романтика в эпоху спутниковой навигации? — но компас взял и с тех пор не снимал с панели.

Сейчас он смотрел на этот компас и не верил своим глазам. Стрелка не указывала на север. Она медленно, едва заметно вращалась против часовой стрелки, описывая полный круг примерно за две минуты. Иногда она замирала — на несколько секунд, на минуту, — и в эти моменты Михаил чувствовал, как внутри него что-то сжимается в тугую, холодный узел, потому что стрелка замирала в одном и том же направлении. Не на север. На восток. Туда, где в океане, в двухстах километрах от базы, росла стальная конструкция Башни, и где море светилось собственным, пульсирующим светом, и где — он знал это теперь с уверенностью, от которой леденели пальцы, — под толщей воды лежало нечто.

Он потянулся к компасу, чтобы снять его с панели, но отдернул руку. Металлический корпус прибора был тёплым. Не нагретым от солнца — солнца не было уже вторые сутки, только жёлтая пелена кислотного шторма. Тёплым изнутри.

Михаил выбрался из кабины через аварийный люк — основной трап заклинило. Он спрыгнул на посадочную платформу и огляделся. База — бывшая военная станция снабжения, переоборудованная под эвакуационный пункт, — выглядела так, словно по ней прошёлся ураган. Проекторы на вышках мигали, работая на четверть мощности. Ангары были открыты, и в них толпились люди — сотни, может быть, тысячи человек, которых привезли другие пилоты. Воздух пах гарью, озоном и той особой едкой кислоткой, которая теперь сопровождала каждый вдох. Небо было жёлтым — не закатным, не утренним, а именно жёлтым, как гной, и в нём не было ни просвета, ни облака, ни звезды.

К Михаилу подбежал дежурный офицер — молодой парень в защитном комбинезоне, с нашивкой «Временная администрация».

— Капитан, сколько у вас на борту?

— Двести три человека. Архипелаг-9. Это последние.

— Последние, — повторил офицер, и в его голосе не было ни удивления, ни скорби — только смертельная, механическая усталость человека, который слышит это слово уже не первый раз за день. — Мы разместим их в ангаре четыре. Сами пройдите в штаб — там связь с материком ещё работает. Вам нужно доложить.

— Связь работает? — переспросил Михаил.

— Пока да. Но говорят, что через пару часов накроет и её. Шторм движется на запад. Материк эвакуируют. Вернее, пытаются.

Михаил пошёл к штабу. Он шёл медленно, чувствуя, как дрожат колени, и не только от усталости. В ушах всё ещё звучал тот низкий, бархатный голос, который он слышал над океаном, когда глайдер попал в аномалию. ПРИГЛАШЕНИЕ. Это слово не исчезло. Оно засело где-то в глубине сознания, как заноза, и пульсировало в такт сердцебиению — реже, чем нужно. Медленнее. 1,3 герца. Он не знал тогда этой цифры, но уже чувствовал её своим телом.

В штабе было немногочисленно. За столом сидел пожилой связист с седыми усами и расстёгнутым воротником кителя. Перед ним стоял древний, ещё довоенный, радиотерминал с ламповым усилителем — единственная техника, которая продолжала работать в условиях тотальных электромагнитных помех. Связист поднял глаза на Михаила и молча кивнул на трубку.

— Вас вызывает материк. Какой-то учёный из Госпиталя психокоррекции. Спрашивает всех пилотов, вернувшихся из восточного сектора.

Михаил взял трубку. Голос на том конце был молодым, взволнованным, но пытающимся держать себя в руках.

— Говорит доктор Виктор, Госпиталь психокоррекции, Центральный корпус. С кем я разговариваю?

— Капитан Михаил, гражданская авиация, эвакуационный флот. Позывной «Атлант-четыре».

— Капитан, вы проходили над сектором, где корпорация «Башня» возводит свой объект? Михаил помедлил.

— Проходил.

— У меня к вам один вопрос, капитан. — Виктор замолчал на секунду, и в трубке слышно было только шипение помех и чьё-то далёкое дыхание. — Вы слышали что-нибудь? Что-то необычное? В голове?

Михаил почувствовал, как холодные иглы впиваются в затылок.

— Да, — сказал он. — Слышал.

На том конце провода воцарилась тишина. Затем Виктор произнёс — тихо, почти шёпотом, словно боялся, что их подслушивают:

— Я так и знал. Я знал. Запишите мою частоту. Свяжитесь со мной, когда сможете говорить свободно. Это очень важно, капитан. Это важнее всего.

И отключился.

Михаил положил трубку и несколько секунд стоял неподвижно. Затем он вышел из штаба и направился к ангару, где разместили его пассажиров. Ему нужно было убедиться, что они в порядке. Ему нужно было найти жену. Ему нужно было услышать голос дочери.

Жена ответила после третьего гудка. Связь была плохой — голос пробивался сквозь треск и затухания, — но это был её голос. Живой. Тёплый.

— Миша? Ты где? Ты вернулся?

— Вернулся. Я на базе. Всё хорошо.

— Ты ранен?

— Нет. Просто устал.

Она помолчала. Затем сказала — и в её голосе была та особая интонация, которую он узнал бы из миллиона, интонация жены, которая знает своего мужа слишком хорошо, чтобы верить его словам:

— Ты лжёшь.

Он закрыл глаза и прижался лбом к холодному металлу переборки. Ему хотелось рассказать ей всё. О светящемся море. О глазе, который открылся на дне. О голосе, который произнёс «ПРИГЛАШЕНИЕ» прямо в его голове. О компасе, который больше не показывает север. Но вместо этого он сказал:

— Дай трубку Алиске.

Маленькая Алиса взяла трубку — он услышал её дыхание, частое, как у воробья, — и затараторила:

— Папа! Папа, ты скоро приедешь? Ты обещал! У меня день рождения через месяц, ты помнишь?

— Помню, — сказал он, и комок в горле стал плотнее. — Обязательно приеду. Я привезу тебе подарок.

— Какой?

— Компас. Тот самый, который висит у меня в кабине. Он особенный. Он всегда показывает дорогу домой.

— А он правда всегда показывает?

— Всегда, — солгал Михаил. — Слушайся маму. Я скоро вернусь.

Он положил трубку и долго сидел в темноте, глядя на компас, который теперь лежал у него на ладони. Стрелка больше не вращалась. Она замерла, указывая на восток. На Башню. На бездну.

Он знал, что больше не вернётся. Знал с той самой минуты, как увидел глаз под водой. Но он ещё не знал, что именно ему предстоит сделать. Он только чувствовал: его рейс ещё не окончен. Последний рейс — не этот, а другой, который случится через несколько лет, когда Башня будет достроена, когда Гай соберёт первых гостей и когда Древнее впервые за триста лет получит свой пир. Тогда он, Михаил, пойдёт туда — не как пилот, не как спасатель, а как человек, которому нечего терять и которому есть за что мстить.

А пока он сжимал компас в кулаке и слушал, как на улице завывает сирена — ещё одна волна эвакуации, ещё один борт, ещё одна горстка спасённых из мира, который умирал на глазах.

Конец первой главы.

Глава 2. Пациент зеро

Ночь в изоляторе тянулась бесконечно.

Виктор сидел в наблюдательной рубке — маленькой комнате с прозрачной стеной из армированного стекла, за которой в мертвенном свете медицинских ламп лежал пациент. Настоящее имя пациента было неизвестно. В документах он значился как «Объект 17-К», но санитары прозвали его Шёпотом — за то, что он не говорил, а именно шептал, непрерывно, монотонно, на одной частоте. Этот шёпот не прекращался ни на минуту с того момента, как рыбаки нашли его в лодке посреди мёртвой зоны — области океана, откуда ушла вся рыба, вся планктонная взвесь, вся жизнь. Он был единственным живым существом в радиусе ста километров от эпицентра, если не считать тех, кто его нашёл.

Виктор смотрел на мониторы и пытался найти хоть какую-то закономерность. Электроэнцефалограмма показывала идеальный синусоидальный ритм — 1,3 герца, глубокая дельта-активность, соответствующая фазе сна без сновидений или глубокой коме. Но пациент не спал и не был в коме. Его глаза были открыты, зрачки расширены на всю радужку, и он смотрел в потолок с выражением, которое Виктор не мог классифицировать ни по одному психиатрическому справочнику. Это не был страх. Не была апатия. Это было... вслушивание. Будто он слушал что-то, чего никто другой не слышал.

— Объект 17-К, — произнёс Виктор в микрофон, и его голос через динамики разнёсся по изолированной палате. — Вы меня слышите? Меня зовут доктор Виктор. Я здесь, чтобы помочь вам.

Пациент не пошевелился. Но его губы — сухие, потрескавшиеся, покрытые белым налётом — задвигались быстрее, и шёпот стал громче. Виктор усилил звук и прислушался. То, что он услышал, заставило его кровь замереть.

Пациент говорил его голосом.

Это была не имитация. Не пародия. Не повторение услышанных слов. Это была точная, до мельчайших интонационных оттенков, до неправильного придыхания на букве «т», до лёгкой картавинки, которую Виктор стеснялся с детства, — копия его собственного голоса. Но говорил не он. Говорил пациент, используя его голосовые связки, его артикуляцию, его манеру речи, записанную где-то в глубине мозга и воспроизведённую с точностью звукозаписывающего устройства.

— Вы меня слышите? Меня зовут доктор Виктор. Я здесь, чтобы помочь вам, — повторял пациент, и каждое слово было как удар молоточка по оголённому нерву. — Вы меня слышите? Меня зовут доктор Виктор. Я здесь, чтобы помочь вам...

— Прекратите, — сказал Виктор, и пациент тут же повторил: «Прекратите. Прекратите. Прекратите», — с той же интонацией, с тем же нажимом, с той же ноткой плохо скрытого страха, которую Виктор услышал в своём голосе и ужаснулся.

Он отключил микрофон и несколько минут сидел неподвижно, глядя на свои руки. Они дрожали. Это было непрофессионально. Доктор не должен дрожать перед пациентом. Но доктор никогда не сталкивался с тем, чтобы пациент говорил его голосом, используя его речевые паттерны, которые не могли быть известны никому за пределами его собственного сознания. Это означало, что сигнал — тот самый сигнал на частоте 1,3 герца, который он фиксировал уже несколько недель, — мог каким-то образом считывать нейронную активность. Не просто влиять на неё, а именно считывать. Читать мозг, как открытую книгу.

Виктор сделал пометку в блокноте. Затем ещё одну. Затем он перечитал написанное и понял, что его выводы выходят далеко за рамки психиатрии. Если сигнал способен считывать и воспроизводить нейронные паттерны, значит, он способен и на обратное. Не просто читать — записывать. Не просто слушать — говорить. Не просто наблюдать — управлять.

Он встал и подошёл к стеклянной стене. Пациент всё ещё лежал на кушетке, но теперь его голова была повернута — медленно, плавно, словно на шарнирах, — и его пустые зрачки смотрели прямо на Виктора. Губы задвигались снова, но теперь шёпот был другим. Это были не слова Виктора. Это были слова, которые Виктор никогда не произносил, но которые звучали в его голове — вчера, когда он засыпал, когда он думал о своей покойной матери, когда он вспоминал её последние слова перед смертью.

— Сынок, не бойся темноты. Темнота — это только начало.

Виктор отшатнулся от стекла. Этого не могло быть. Он никому не рассказывал этих слов. Они существовали только в его памяти. Но пациент — или то, что управляло пациентом, — только что произнесло их вслух. С интонацией матери. С её мягким, успокаивающим тембром, которого Виктор не слышал уже пятнадцать лет.

Он нажал кнопку вызова санитаров, но передумал. Вместо этого он схватил портативный энцефалограф и, нарушая протокол, вошёл в изолированную палату.

Воздух внутри был холодным и спёртым, пахнущим дезинфекцией и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным, как запах гниющей лилии. Пациент не шевелился, только его губы продолжали беззвучно двигаться. Виктор приблизился, держа энцефалограф перед собой, как щит, и приложил датчики к вискам пациента. Прибор записал и выдал показания.

Дельта-ритм. Только дельта-ритм. Никакой альфа-активности, никакой бета-активности, никаких признаков сознательной деятельности. Мозг пациента функционировал так, словно его обладатель находился в глубочайшей коме, — но тело не подчинялось этому правилу. Тело жило своей жизнью. Точнее, жизнью, которую ему диктовал сигнал.

— Кто ты? — спросил Виктор, хотя знал, что пациент ему не ответит. Вернее, ответит, но чужими словами.

— Я — то, что было до вас, — произнёс пациент голосом, который не был голосом Виктора. Это был другой голос — низкий, вибрирующий, лишённый индивидуальных особенностей, как если бы говорило само пространство. — Я — то, что будет после. Я — голод, который не утолить. Я — тишина, которая не кончается.

— Ты — сигнал, — сказал Виктор. — Частота 1,3 герца. Ты воздействуешь на мозг этого человека.

— Этот человек — уже не человек, — ответил голос. — Он — дверь. Я вошёл в него, как вхожу во всех, кто открывается. А ты — ты тоже откроешься. Все открываются. Рано или поздно.

Виктор отступил на шаг. Он заметил, что из уголка рта пациента потекла струйка слюны — но это была не обычная слюна. Она светилась. Слабым, фосфоресцирующим светом, похожим на тот, который он видел на фотографиях глубинных рыб. Это было невозможно. Это противоречило всем законам биологии.

— Что ты делаешь с ним? — спросил Виктор, и его голос дрогнул.

— Я ем, — ответил голос. — Медленно. Осторожно. Чтобы не повредить оболочку. Она ещё пригодится.

Рассвет застал Виктора в той же палате. Он не спал, не ел, не отходил от пациента ни на минуту. Он записывал всё: показания энцефалографа, частоту пульса, температуру тела, изменения зрачковой реакции. Данные были чудовищны. Мозг пациента умирал — не от болезни, не от травмы, а от перегрузки. Нейронные связи разрушались одна за другой, как перегоревшие лампочки, и на их месте образовывались пустоты — идеально ровные, геометрически правильные области мёртвой ткани, словно кто-то вырезал их скальпелем. Сигнал не просто воздействовал на мозг. Он переписывал его, форматировал, приспособливал под свои нужды — а когда ресурс заканчивался, просто выбрасывал за ненадобностью.

В 06:42 пациент перестал шептать. Его губы замерли, веки медленно опустились, и из груди вырвался последний вздох — долгий, свистящий, похожий на звук выпускаемого из

шины воздуха. Мониторы запищали ровным, непрерывным сигналом. Виктор стоял над телом и смотрел, как бледнеет кожа, как остывают конечности, как гаснет тот странный, фосфоресцирующий свет в уголках глаз. Он ничего не чувствовал. Ни скорби, ни страха, ни облегчения. Только пустоту — ту самую, о которой говорил голос. Тишину, которая не кончается.

Он вышел из палаты и направился в свой кабинет. Ему нужно было написать рапорт.

Рапорт занял четыре часа. Виктор писал его от руки — не потому, что не доверял компьютерам, а потому, что только ручное письмо позволяло ему думать. Он описывал историю пациента: как его нашли, в каком состоянии, какие процедуры проводились, какие препараты вводились. Затем перешёл к наблюдениям — к голосу, копирующему его собственный, к фосфоресцирующей слюне, к разрушению нейронных связей. Закончил он выводами.

«На основании полученных данных можно утверждать, что сигнал на частоте 1,3 Гц представляет собой не просто электромагнитную аномалию, но целенаправленное воздействие неизвестного источника на центральную нервную систему человека. Характер этого воздействия — паразитический. Сигнал считывает нейронные паттерны, воспроизводит их и в конечном счёте замещает собой, что приводит к полному разрушению личности и смерти мозга. Рекомендую немедленно прекратить любые работы, связанные с усилением или ретрансляцией данного сигнала, и инициировать международное расследование источника, находящегося на дне океана в районе строительства объекта корпорации „Башня“».

Он перечитал последний абзац и подчеркнул слово «немедленно» дважды.

Затем он отнёс рапорт администратору Госпиталя.

Администратора звали господин Кречет. Это был человек лет пятидесяти с лицом, которое можно было бы назвать приятным, если бы не глаза — холодные, ничего не выражающие, как у рыбы. Он сидел в своём кабинете, обитом панелями из искусственного дерева, и просматривал какие-то бумаги, когда Виктор вошёл без стука.

— Доктор Виктор, — произнёс Кречет, не поднимая головы. — Вы нарушаете субординацию. Но я вас прощаю — у вас была тяжёлая ночь.

— У меня есть рапорт, — сказал Виктор, кладя папку на стол. — Чрезвычайной важности. Это касается сигнала.

Кречет поднял глаза. Он посмотрел на папку, затем на Виктора, и его губы изогнулись в улыбке, которая не имела никакого отношения к веселью.

— Сигнала? — переспросил он. — Какого сигнала?

— Того самого, который фиксируется на частоте 1,3 герца. Который идёт из-под океана. Который корпорация «Башня» использует в своём проекте. — Виктор заставил себя говорить ровно, без эмоций. — Мой пациент, Объект 17-К, умер сегодня утром. Его мозг был разрушен этим сигналом. Я зафиксировал все данные. Я требую немедленного реагирования.

Кречет взял папку, открыл её и пробежал глазами по строчкам. Его лицо не менялось. Он читал так, словно перед ним был не рапорт о смерти человека, а бухгалтерский отчёт.

— Доктор Виктор, — сказал он наконец, закрывая папку. — Я ценю ваше усердие. Ваш профессионализм не вызывает сомнений. Но боюсь, вы допустили ошибку.

— Ошибку?

— Да. Вы интерпретировали данные слишком... вольно. Сигнал, о котором вы говорите, является частью геомагнитного фона планеты. Он изучается уже несколько десятилетий и не представляет угрозы для человека. Смерть вашего пациента вызвана естественными причинами — вероятно, последствиями длительного пребывания в токсичной среде. Я понимаю, что вы перенервничали. Долгая ночь, стресс, переутомление. Но рапорт с такими выводами я принять не могу.

— Это не интерпретация, — Виктор повысил голос. — Это факты. Зафиксированные приборами. Проверенные. Перепроверенные. Вы можете сами посмотреть данные.

— Я посмотрю, — пообещал Кречет, откладывая папку в стопку с другими бумагами — судя по всему, предназначенными для архива, а не для рассмотрения. — Но вы должны понимать, доктор, что у Госпиталя есть определённые обязательства перед спонсорами. Корпорация «Башня» финансирует наше учреждение. Их проект «Ковчег-2» — это спасение для миллионов людей. Если мы начнём распространять непроверенные сведения, которые могут дискредитировать проект, — это будет удар по всему человечеству. Вы этого хотите?

— Я хочу правды, — сказал Виктор.

Кречет вздохнул — устало, снисходительно, как вздыхает учитель, объясняющий прописную истину нерадивому ученику.

— Правда, доктор Виктор, — это то, что нам позволяют видеть. А то, что нам не позволяют, — это не правда. Это просто шум. И ваша задача как учёного — отделять первое от второго. Я надеюсь, вы меня поняли.

Виктор понял. Он понял больше, чем Кречет хотел сказать. Он понял, что администратор Госпиталя подконтролен «Башне». Что рапорт не пойдёт дальше этой стопки. Что данные с приборов будут стёрты или подделаны. Что пациент, которого он пытался спасти, был не первым и не последним — просто раньше таких называли «несчастливыми случаями», «осложнениями», «побочными эффектами». А теперь, когда появился тот, кто назвал вещи своими именами, его попросили замолчать.

— Я понял, — сказал Виктор. — Я вас понял.

Он развернулся и вышел из кабинета, не попрощавшись.

В коридоре он прислонился к стене и несколько минут стоял, пытаясь выровнять дыхание. Ярость, которую он подавлял во время разговора, теперь рвалась наружу, но он сдержал её. Кричать было бесполезно. Жаловаться — некому. Правительства больше не существовало, существовала только корпорация и её проект. Он был один.

Почти один.

Он вспомнил о пилоте. О капитане Михаиле, с которым он говорил несколько часов назад. Этот человек прошёл над эпицентром сигнала — и выжил. Его мозг, возможно, всё ещё хранит информацию, которую можно проанализировать. Если Виктор не может действовать официально, он будет действовать тайно. Через подставных лиц. Через бывших коллег. Через подпольную сеть, которая, он знал, существует, но о которой предпочитал не знать.

Он вернулся в лабораторию, закрыл дверь на ключ и достал из ящика стола старый, списанный терминал, не подключённый к больничной сети. Затем он набрал частоту, которую дал Михаилу, и отправил короткое сообщение:

«Капитан, это доктор Виктор. Нам нужно встретиться. Речь идёт о том, что вы видели над океаном. Это не было галлюцинацией. Это реально. И это только начало».

Он нажал «отправить» и откинулся на спинку стула.

Где-то далеко, за сотни километров от Госпиталя, в океане, продолжала расти Башня. Где-то на дне открытый глаз смотрел вверх, сквозь толщу воды, сквозь кислотную пелену, сквозь само пространство и время. Где-то Гай улыбался своей спокойной, властной улыбкой, зная, что всё идёт по плану.

А здесь, в маленькой лаборатории, начиналось сопротивление. Пока ещё робкое, почти незаметное, состоявшее из одного молодого врача, который слишком поздно понял, что его призвание — не лечить, а бороться.

Конец второй главы.

Глава 3. Архитектор

Зал Совета Директоров располагался на сто тридцать седьмом этаже административной башни корпорации «Башня» — самого высокого здания на Центральном острове, крупнейшем из архипелагов, ещё не поглощённых кислотным океаном. Отсюда, с высоты птичьего полёта, открывался вид на город, который умирал. Не метафорически — буквально. Жёлтая пелена, напозавшая с востока, уже поглотила соседние острова, и теперь её языки лизали окраинные кварталы Центрального, оставляя после себя ржавые остовы портовых кранов и мёртвую, спекшуюся землю. Через год, может быть, через два, пелена доберётся и до этой башни. И тогда не останется ничего — только океан, кислота и пепел.

Гай стоял у панорамного окна, заложив руки за спину, и смотрел на эту картину с выражением спокойной, почти медитативной удовлетворённости. Он знал, что члены Совета, рассаживающиеся за длинным столом из чёрного стекла, видят его силуэт на фоне апокалиптического пейзажа. Он знал, что это производит впечатление. Он вообще многое знал — больше, чем кто-либо в этом зале, больше, чем кто-либо на планете. И именно это знание делало его единственным человеком, который не боялся.

— Господа, — произнёс он, не оборачиваясь, — прошу вас, рассаживайтесь. У нас мало времени, и ещё меньше — вариантов.

Члены Совета, числом двенадцать, заняли свои места. Это были влиятельные люди — бывшие министры, промышленники, владельцы уцелевших активов. Их лица, подсвеченные голографическими панелями, были бледны и напряжены. Они знали, что Гай собрал их не для того, чтобы обсудить квартальные отчёты. Они знали, что на кону — выживание. Но никто из них не знал, какова будет цена.

Гай повернулся к столу и обвёл собравшихся взглядом. Его лицо — тонкое, аристократическое, с высокими скулами и бледной, почти прозрачной кожей — было непроницаемо. Одет он был в безупречный серый костюм, который сидел на нём так, словно был сшит не портным, а самой природой. Ни пылинки. Ни складки. Ни следа усталости, хотя последние трое суток он не спал, координируя эвакуацию и параллельно — совсем другие процессы.

— Я собрал вас, чтобы сообщить то, что вы уже знаете, но боитесь произнести вслух, — начал Гай. Его голос был тихим, но каждое слово звучало отчётливо, как удар метронома. — Кислотные штормы не прекратятся. Они будут усиливаться. В течение пяти лет — возможно, раньше — атмосфера планеты станет непригодной для дыхания. Архипелаги уже потеряны. Все острова обречены. Человечество стоит на пороге вымирания.

Он выдержал паузу, позволяя словам осесть в сознании слушателей. Затем взмахнул рукой, и над столом развернулась голографическая проекция — карта планеты, на которой красные зоны бедствия расплзались, как раковая опухоль, пожирая последние очаги жизни.

— Это текущая ситуация. Через год — вот это. — Он провёл пальцем, и красные зоны сомкнулись, оставив лишь несколько крошечных синих точек. — Через три — вот это. — Синих точек осталось две. — Через пять... — Он не стал заканчивать. Карта стала красной целиком.

В зале воцарилась тишина. Кто-то из членов Совета — пожилой генерал с седыми усами — прокашлялся и спросил:

— Вы предлагаете сдать?

— Я предлагаю спастись, — ответил Гай. — Корпорация «Башня» разработала проект «Ковчег-2». Гигантский искусственный остров, накрытый автономным куполом. Защищённый от кислотных штормов. Обеспеченный системой замкнутого жизнеобеспечения. Способный вместить миллион человек. — Он снова взмахнул рукой, и над столом возникла трёхмерная модель будущего Города: идеальная полусфера, в центре которой возвышался шпиль. — Стро-

ительство уже началось. Мы находимся в нейтральных водах, за пределами юрисдикций, которых больше не существует. У нас есть ресурсы, технологии и — что важнее всего — у нас есть воля.

Генерал нахмурился.

— Миллион человек? А остальные? На планете живёт около двух миллиардов.

Гай посмотрел на него с выражением, которое можно было бы назвать сочувствием, если бы оно хоть на миг коснулось его глаз. Но глаза остались холодны.

— Генерал, мы должны быть реалистами. Два миллиарда спасти невозможно. Это трагедия. Но трагедия, которую мы можем смягчить, — лучше, чем трагедия, которая поглотит всех без исключения. Мы спасём столько, сколько сможем. Остальные... — он развёл руками, — останутся на попечении судьбы.

В зале пробежал шёпот. Не возмущённый — скорее, оценивающий. Члены Совета были не из тех, кто станет спорить о морали. Они были из тех, кто считает убытки.

— Вопрос энергии, — подала голос женщина в строгом деловом костюме. Директор по ресурсам, кажется, бывшая министр топливной промышленности. — Как вы собираетесь питать купол? Это же колоссальная мощность. Никакие известные нам генераторы не справятся.

Гай улыбнулся — тонко, едва заметно, уголками губ.

— Мы обнаружили новый источник, — сказал он. — Геомагнитная аномалия на дне океана. По сути — природный реактор, работающий на энергии магнитного поля планеты. Мы разработали технологию его преобразования в электричество. Этот источник практически неисчерпаем и абсолютно безопасен.

Он лгал — плавно, уверенно, как дышал. Никакой «геомагнитной аномалии» не существовало. Существовал сигнал. Существовало нечто, лежащее на дне, — древнее, голодное, обладающее разумом или чем-то, что заменяло ему разум. И это нечто не было «абсолютно безопасным». Оно требовало платы. Но эту часть правды Гай не собирался раскрывать никому — ни сейчас, ни когда-либо. Совету нужна была надежда, а не знание. Надежда была топливом, на котором работала машина спасения. Знание могло её сломать.

— А как насчёт воздействия на людей? — спросил ещё один член Совета, лысый мужчина в очках с толстыми стёклами. По виду — учёный. — Ходят слухи о странных заболеваниях. О пациентах, которые теряют разум. Говорят, что в районе строительства наблюдаются психические аномалии.

Гай перевёл взгляд на говорившего. Его лицо не изменилось, но внутри что-то щёлкнуло — холодно, расчётливо. Значит, слухи уже просочились. Значит, Виктор или кто-то из его коллег всё-таки успел открыть рот. Это нужно будет уладить.

— Слухи, — произнёс Гай, растягивая слово, как дегустатор растягивает вино на языке. — Всегда есть слухи. Паника. Массовая истерия. Люди, потерявшие близких, ищут объяснения. Они находят их в чём угодно — в штормах, в сигналах, в проклятиях древних богов. — Он покачал головой. — Наша задача — дать им реальное объяснение и реальное спасение. А реальность такова: «Ковчег-2» — единственный способ выжить. Всё остальное — шум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.